

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.И. Сагарда

**Характерные особенности в
раскрытии и изложении святым
апостолом Иоанном Богословом
христианского учения**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1904. № 6. С. 848-856.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Характерныя особенности въ раскрытіи и изложеніи св. Апостоломъ Іоанномъ христіанскаго ученія *)).

Въ день, посвященный Церковію памяти св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, и предъ сужденіемъ объ изслѣдованіи относительно его перваго соборнаго посланія было бы своевременно и умѣстно начертать цѣлостный образъ великой личности священнаго писателя; и это тѣмъ естественнѣе, что первое посланіе,—имѣя преимущественное значеніе въ ряду источниковъ для освѣщенія христіанской истины съ той ея стороны, по которой она представлена „Богословомъ“ Христовой Церкви, такъ какъ въ немъ отъ начала до конца мы читаемъ непосредственное выраженіе христіанскаго ученія самого Апостола,—стоитъ въ тѣсной связи и зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей Апостола Іоанна. Но въ краткой рѣчи невозможно выполнить эту важную и трудную задачу. Поэтому я позволю себѣ остановитъ Ваше просвѣщенное вниманіе только на нѣкоторыхъ сторонахъ богословія Апостола Іоанна, имѣющихъ непосредственное значеніе для уясненія содержанія перваго его посланія.

Необходимо замѣтить, что особенности богословскаго ученія Апостола Іоанна ускользаютъ отъ точнаго опредѣленія, чѣмъ и объясняется, что изслѣдователи писаній Апо-

---

*) Рѣчь предъ защитой диссертации на степень магистра богословія „Первое соборное посланіе святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. Исагогико-экзегетическое изслѣдованіе. Полтава 1903 г.“, произнесенная 8-го мая въ актовомъ залѣ С.-Петербургской духовной академіи.

стола Іоанна не пришли къ согласному рѣшенію какъ относительно основнаго положенія его ученія, изъ котораго можно было бы раскрыть все его содержаніе, такъ и относительно характерной черты въ изображеніи имъ христіанской истины,—черты, которая могла бы освѣтить и всѣ частнѣйшія особенности.

Но относительно перваго вопроса отвѣтъ данъ уже давно: Церковь наименовала Апостола Іоанна „Богословомъ“ и этимъ указала на основной и существенный пунктъ его ученія. Онъ—„Богословъ“, такъ какъ въ своихъ писаніяхъ открываетъ внутреннѣйшія тайны жизни Божества; ему именно принадлежатъ великія изреченія, опредѣляющія божественную природу: „Богъ есть духъ“, „Богъ есть свѣтъ“ и „Богъ есть любовь“, и хотя онъ не раскрываетъ этихъ изреченій, но заключающееся въ нихъ ученіе лежитъ въ основѣ всего его богословія. Все, что совершаетъ Богъ въ откровеніи и искупленіи, согласно съ Его существомъ и въ немъ имѣетъ свое глубочайшее основаніе. Точно также и все существо жизни христіанъ и обнаруженіе его во внѣшнихъ поступкахъ должны всецѣло опредѣляться нравственной природой Бога. Эта мысль проходитъ чрезъ все первое посланіе Апостола Іоанна.

Онъ—„Богословъ“ и потому, что ему опредѣлено было выразить послѣднее слово откровенія относительно Бога-Слова, Которое „искони бѣ къ Богу“ и есть истинный Богъ и Которое, явившись, открыло міру глубины божественной жизни и дало разумъ къ познанію Истиннаго. Но хотя никто изъ Апостоловъ не останавливается съ такими подробностями на *домірномъ* бытіи Слова, какъ Апостоль Іоаннъ, однако и не оно составляетъ основу и конечную цѣль его благовѣстія: ключъ его богословія лежитъ въ ученіи о *воплощеніи* Бога Слова, такъ какъ, только воплотившись, Оно могло „исповѣдать“ Бога предъ людьми и быть Спасителемъ міра. Евангеліе начинается ученіемъ о божествѣ Слова въ самой тѣсной связи съ Его воплощеніемъ (I, 1, 14); тѣмъ же ученіемъ начинается и посланіе (I, 1, 2). „Наперсникъ“ Господа, Апостоль Іоаннъ, припикнувъ къ Его груди, любящимъ сердцемъ постигъ Его, какъ Единороднаго Сына Божія, Предвѣчное Слово, и изъ неисчерпаемаго источника Сушаго въ лонѣ Отца износилъ богатства своего богословствованія. Для Апостола Іоанна на первый планъ выступаетъ доказательство той истины, что Іисусъ есть Христосъ Сынъ

Божій, Божественное Слово, бывшее у Отца прежде вѣковъ и единое съ Отцемъ, какъ истинный Богъ. Поэтому лице и жизнь Иисуса Христа, какъ воплотившагося Бога Слова, составляютъ сердце, корень и источникъ религіозныхъ идей Апостола Іоанна. Божественное достоинство Иисуса Христа для него есть единая абсолютная истина, и отрицающій ее есть врагъ всякой истины, врагъ Христа, антихристъ. Въ воплощеніи Слова человѣку дано все, необходимое для него. Воплощенный Сынъ Божій Иисусъ Христосъ есть Спаситель міра, дарующій ему жизнь. Онъ не только источникъ жизни естественной, какъ Творецъ міра, но и въ особенности источникъ его духовной жизни, какъ Искупитель, Ходатай ко Отцу и Умилостивленіе, кровь Котораго очищаетъ отъ всякаго грѣха (1 Ин. II, 1, 2; 1. 7). Онъ даруетъ жизнь вѣчную всякому, кто приходитъ къ Нему—неизсякаемому источнику жизни вѣчной, и это совершается чрезъ живую вѣру въ Него, какъ воплотившееся Слово, Сына Божія,—вѣру въ томъ широкомъ, глубокомъ и жизненномъ значеніи, въ какомъ она только и мыслима у Апостола Іоанна.

Что касается характерныхъ особенностей въ раскрытіи и изложеніи Апостоломъ Іоанномъ христіанскаго ученія, то западные изслѣдователи писаній Іоанновыхъ называютъ его богословіе мистическимъ и самого Апостола—отцемъ христіанской мистики. При этомъ наименованіи неизмѣнно разумѣютъ мистицизмъ здравый, имѣющій въ своемъ основаніи опредѣленные понятія о Богѣ и Его отношеніи къ міру и человѣку и только выдвигающій на первый планъ внутреннее взаимоотношеніе между Богомъ и человѣкомъ, именно ту сторону, которая не укладывается ни въ какія напередъ опредѣленные рамки разсудочныхъ соображеній. Какъ и вообще подъ истиннымъ мистицизмомъ въ религіи мыслится религіозная система, основанная больше на чувствѣ, чѣмъ на дѣятельности разсудка; такъ это прилагается и къ богословію Апостола Іоанна. То, конечно, правда, что Апостолъ Іоаннъ раскрываетъ глубочайшія тайны въ божественномъ планѣ искупленія, выясняетъ таинственныя отношенія между Богомъ и человѣкомъ, міромъ и діаволомъ, отмѣчаетъ основныя принципы внутренней христіанской жизни, — словомъ, раскрываетъ истины, которыя имѣютъ основаніе не въ этомъ преходящемъ мірѣ, а въ безконечномъ и вѣчномъ. Вѣрно отмѣчено и то, что богословіе Апостола Іоанна есть богословіе сердца, ибо

имѣетъ свой корень не въ разсудочной работѣ, а въ непосредственномъ созерцаніи, въ чувствѣ, во внутреннемъ опытѣ. Поэтому онъ скорѣе обращается къ чувству, чѣмъ къ интеллекту, и въ своемъ посланіи неоднократно взываетъ къ внутреннему опыту своихъ читателей, находя въ немъ опору для признанія незыблемой истинности сообщаемого имъ. Но, — помимо того неудобнаго оттѣнка, который, не смотря ни на какія оговорки, всетаки остается въ терминѣ „мистицизмъ“, — при наименованіи богословія Апостола Іоанна мистическимъ оставляется безъ вниманія то важное обстоятельство, что Апостолъ заимствуетъ свое познаніе о Богѣ изъ историческихъ фактовъ земной жизни Бога-Слова; онъ рѣшительно отрицаетъ возможность непосредственнаго познанія Бога, внѣ единственнаго пути къ нему — откровенія во Христѣ (Ін. I, 18), и наиболѣе „мистическое“ съ точки зрѣнія западныхъ богослововъ писаніе Апостола Іоанна, именно его первое посланіе начинается торжественнымъ указаніемъ на факты изъ исторіи земной жизни воплотившагося Слова жизни (I Ін. I, 1—3). Поэтому правильнѣе назвать богословіе Апостола Іоанна *духовнымъ* (*πνευματικόν*), какъ еще Климентъ Александрійскій наименовалъ его Евангеліе, что безусловно приложимо и къ первому посланію: Апостолъ всегда восходитъ отъ внѣшняго обнаруженія къ духу, къ невидимому принципу. Въ этой особенности лежитъ ключъ къ уразумѣнію весьма многаго и существеннаго въ изложеніи имъ христіанскаго ученія.

Прежде всего этимъ объясняется то, что Апостолъ Іоаннъ разсматриваетъ всѣ вещи въ ихъ внутреннемъ существѣ, по сравненію съ которымъ внѣшнія явленія, съ измѣнчивымъ разнообразіемъ, теряютъ свое значеніе, какъ случайныя. Этимъ же объясняется, почему Апостолъ всюду видитъ только рѣшительныя противоположности Бога и діавола, свѣта и тьмы, истины и лжи, жизни и смерти, любви и ненависти, возводя всѣ явленія къ ихъ глубочайшему основанію, къ ихъ послѣднему принципу. Въ каждомъ данномъ случаѣ Апостолъ часто выдвигаетъ извѣстную сторону предмета съ тою исключительностію, при которой выдвинуть другую сторону, значило бы впасть, повидимому, въ рѣзкое самопротиворѣчіе. Поэтому же, наконецъ, онъ не обращаетъ вниманія на различіе ступеней въ развитіи и на каждой изъ нихъ смотритъ только на выражаемую ею сущность предмета.

Усматривая во всемъ осуществленіе высшей идеальной дѣйствительности, Апостоль Іоаннъ не допускаетъ никакой противоположности между теоретическимъ и практическимъ, знаніемъ и дѣломъ, вѣрою и жизнію. Онъ всегда видитъ предъ собою образъ Божественнаго Учителя, у Котораго слово и дѣло не составляютъ двухъ различныхъ областей; отсюда и у Апостола Іоанна теорія и практика не раздѣляются, но заключаются одна въ другой и вмѣстѣ составляютъ дивное цѣлое, образъ хожденія, какъ ходилъ Христосъ. Всякое дѣйствіе чловѣка включаетъ его всецѣлую личность. Этимъ опредѣляется и возрѣніе Апостола Іоанна на сущность познанія вообще и религіознаго въ особенности: что не обнимаетъ всей духовной жизни, не дѣйствуетъ на нее опредѣляющимъ образомъ, то и не познано, ибо познаніе есть такое именно постиженіе предмета, которое включаетъ въ себя не только проникновеніе познающаго въ самое существо познаваемого, но и наоборотъ—проникновеніе предмета познанія во внутреннѣйшее существо познающаго. Одно интеллектуальное обладаніе истиною не имѣетъ никакой силы и значенія. Апостоль Іоаннъ никогда не мыслить истинъ религіи, какъ мертвыхъ, холодныхъ формъ, которыя можно знать, не проводя ихъ въ жизнь. Религія есть жизнь въ полномъ смыслѣ слова, обнимающая дѣятельность, силы и дарованія всего чловѣка,—жизнь по тому образцу, который всецѣло осуществленъ въ Іисусѣ Христѣ. Въ области религіознаго познанія между познающимъ и познаваемымъ должно быть духовное внутреннее сродство, полное, ничѣмъ не задерживаемое общеніе, совершеннымъ выраженіемъ котораго является любовь. Отсюда основаніе, предметъ и цѣль всякаго познанія, какъ полнаго жизни и животворнаго, Апостоль Іоаннъ полагаетъ въ любви: она есть движущій нервъ всѣхъ его созерцаній. Все въ искупленіи чловѣка возводится къ неисчерпаемому источнику божественной любви. Если Апостоль Іоаннъ видитъ въ Іисусѣ Христѣ вѣчное Слово, Сына Божія, то съ этимъ у него неразрывна мысль о любви, которою Богъ возлюбилъ міръ, посылая единороднаго Сына для его спасенія: *Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣрующій въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Ин. III, 16; ср. I Ин. IV, 9), и именно „въ томъ открылась любовь Божія къ намъ, что не мы возлюбили Бога, но Онъ возлюбилъ насъ и послалъ

Сына Своего въ умилоствивленіе за грѣхи наши“ (1 Ин. IV, 10). Во Христѣ—полное откровеніе божественной любви; для насъ Онъ далъ высочайшій образецъ ея, положивъ душу Свою за насъ (1 Ин. III, 8, 9, 10); и въ человѣчествѣ она вызываетъ жизнь любви. Чѣмъ болѣе Апостоль Іоаннъ созерцаетъ эту любовь, чѣмъ болѣе проникаетъ до ея глубины, тѣмъ болѣе онъ любитъ; и чѣмъ болѣе онъ любитъ, тѣмъ болѣе онъ открываетъ новыя глубины этой любви. Онъ весь погружается въ любовь, въ ней онъ чувствуетъ дыханіе и существо божественной жизни; поэтому сущность его увѣщаній къ любви и его воззрѣніе на нее выражаются въ такихъ воодушевленныхъ и глубокосодержательныхъ словахъ: *возлюбленнѣи, возлюбимъ другъ друга, яко любви отъ Бога есть, и всякъ любящій отъ Бога рожденъ есть и знаетъ Бога. А не любящій не позна Бога, яко Богъ любви есть, и пребывая въ любви, въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ* (1 Ин. IV, 7, 8, 16).

Въ силу той же духовности, Апостоль Іоаннъ уничтожаетъ границы между настоящимъ и будущимъ. Наблюдая настоящее, временное, онъ не останавливается на немъ, а переноситъ свой взоръ къ обоимъ концамъ этого временнаго—къ вѣчному въ прошедшемъ и къ вѣчному въ будущемъ—и съ точки зрѣнія этого вѣчнаго оцѣниваетъ всѣ вещи и явленія. Отсюда и святость христіанъ онъ представляетъ какъ бы совершенною на землѣ и торжественно провозглашаетъ положеніе, что всякъ рожденный отъ Бога не согрѣшаетъ (1 Ин. V, 18, ср. III, 9). Точно также и всю эсхатологию онъ видитъ совершенною и совершающеюся уже на землѣ. Кажется, что Апостоль Іоаннъ перешелъ въ область вѣчно настоящаго: для него небо сошло на землю или, лучше сказать, земля, вопреки своей грубой оболочкѣ, сдѣлалась просвѣтленною и отражаетъ въ себѣ сіяніе небесной славы. Если что и раздѣляетъ небо отъ земли, земную жизнь отъ будущей, вѣчной, то не физическая жизнь, а грѣхъ.

Эти кратко отмѣченныя главнѣйшія особенности богословія Апостола Іоанна обнаруживаютъ въ немъ неизмѣнное стремленіе отъ матеріальнаго къ духовному, отъ земнаго къ небесному, въ міръ горній. Вотъ почему церковная символика изображаетъ его съ орломъ. Этимъ символомъ Церковь хочетъ образно представить острый, пронизательный

умъ, не ослѣпляемый свѣтомъ истины, пророческую дальновидность и неотразимую силу духа Апостола Іоанна.

Особенности богословствованія Апостола Іоанна всецѣло отразились на изложеніи имъ христіанскаго ученія и въ первомъ его посланіи. Созерцательному мышленію Апостола не свойствененъ методъ логическихъ конструкцій и выводовъ. Онъ не ищетъ истины и не изслѣдуетъ ея; онъ чувствуетъ и сердцемъ постигаетъ ее. Апостолъ созерцаетъ вѣчную истину и, какъ видитъ ее, такъ и сообщаетъ своимъ возлюбленнымъ чадамъ. Истина требуетъ только описанія, а не логическаго анализа; поэтому Апостолъ просто утверждаетъ или отрицаетъ и всегда говоритъ съ абсолютною точностію, съ авторитетомъ, исключаяющимъ всякія сомнѣнія въ истинности того, что онъ говоритъ. Онъ поставилъ ногу свою на камнѣ и чувствуетъ подъ собою твердую почву; онъ освидѣтельствовалъ и осязалъ всѣ пункты ученія, о которомъ пишетъ, и знаетъ, что они таковы, какими онъ представляетъ ихъ. Апостолъ какъ будто всегда слышитъ голосъ Господа, открывающаго ему то, что Самъ Онъ слышитъ отъ Отца. Отъ всего этого зависитъ то, что построеніе мыслей въ посланіи не періодическое, а чисто еврейское, афористическое. Выраженія краткія. Предложенія стоятъ одно подлѣ другого большею частію безъ всякихъ союзовъ, которые бы обозначали ихъ взаимное отношеніе. Въ виду этого иногда бываетъ очень трудно усмотрѣть строго опредѣленную и несомнѣнную связь въ частностяхъ; переходъ отъ одной мысли къ другой часто болѣе подразумѣвается, чѣмъ ясно выражается,—связь болѣе внутренняя, психологическая, чѣмъ внѣшне-синтаксическая. Отсюда единоезвучное заявленіе всѣхъ изслѣдователей посланія, что оно на первый взглядъ представляется совершенно понятнымъ: образъ выраженія ясный, связь мыслей простая, безыскусственная; но что подъ этой простотой скрываются неизслѣдимая глубина и неисчислимое богатство, которыя и образованному читателю представляютъ неисчерпаемый матеріалъ для изслѣдованія.

Отрѣшившись отъ силлогистическаго метода въ изложеніи, Апостолъ Іоаннъ группируетъ свои мысли вокругъ нѣсколькихъ великихъ и центральныхъ истинъ, открывая въ нихъ все новыя стороны, новыя глубины. Обычно онъ ставитъ въ началѣ общее положеніе, выражающее цѣлое воз-

зрѣніе, и затѣмъ постепенно раскрываетъ его содержаніе въ новыхъ отношеніяхъ и оборотахъ и съ новыхъ сторонъ въ цѣломъ рядѣ круговъ до наиболѣе конкретныхъ его обнаруженій и приложений. Апостоль какъ бы опасается, что употребленныя имъ выраженія не вполне исчерпываютъ сущность того, что онъ хотѣлъ сказать. Поэтому онъ снова и снова возвращается къ тому же, чтобы еще прибавить что-либо. Съ перваго взгляда кажется, что въ посланіи безъ нужды повторяется одна и та же мысль.

Въ соотвѣтствіе съ особенностями богословскихъ воззрѣній Апостола Іоанна, не богатый по количеству терминовъ лексиконъ посланія рѣзко отличаетъ его отъ другихъ новозавѣтныхъ писаній.

Эти особенности въ раскрытіи и письменномъ изложеніи Апостоломъ Іоанномъ христіанской истины создаютъ большія затрудненія для изслѣдователя. Для устранения всякаго рода экзегетическихъ увлеченій, при отсутствіи руководства въ толкованіяхъ отцовъ и учителей Церкви, надежной опорой является филологическое изслѣдованіе текста. Слова Апостола служатъ для насъ совершеннымъ выраженіемъ его мыслей, и потому только при такомъ методѣ изясненія можно надѣяться достигнуть живой истины апостольскаго ученія. Необходимо обращать вниманіе на малѣйшіе оттѣнки языка и конструкціи. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ авторитетнаго и умудреннаго опытомъ руководителя—св. Іоанна Златоустаго, который говоритъ: „какъ въ золотыхъ рудахъ опытный въ этомъ дѣлѣ не оставитъ безъ вниманія ни малѣйшей жилы, потому что она можетъ доставить великое богатство, такъ и въ божественныхъ писаніяхъ не безвредно опускать даже одну черту или іоту, а надобно изслѣдовать все“. Въ такомъ случаѣ за точку отправленія необходимо брать подлинный греческій текстъ, а не переводъ. Насколько умѣло и плодотворно я приложилъ этотъ методъ къ изясненію перваго соборнаго посланія святаго Апостола Іоанна Богослова, судить не мнѣ.

Въ заключеніе позволяю себѣ воспользоваться настоящимъ собраніемъ, чтобы выразить мою горячую благодарность досточтимому руководителю моему Николаю Никаноровичу (Глубоковскому), который съ ободряющимъ меня вниманіемъ слѣдилъ за моею работой во весь продолжительный періодъ, протекшій съ того времени, когда избрана была мною нынѣ

посильно разработанная тема. Во всемъ изслѣдованіи нѣтъ ни одной части, ни одного сколько-нибудь важнаго вопроса, относительно которыхъ я не получилъ бы отъ Николая Никаноровича совѣтовъ и указаній. Только жившій и работавшій въ провинціальномъ городѣ въ обстановкѣ преподавателя семинаріи пойметъ и то, насколько цѣнны сообщенія относительно литературы изучаемаго предмета, которыя я также получалъ отъ Николая Никаноровича, не рѣдко съ самыми книгами.

Весьма благодаренъ я и о. Тимоею Александровичу (Налимову) за тѣ указанія и замѣчанія, какія даны въ отзывѣ о моемъ изслѣдованіи и которыя по возможности приняты мною въ соображеніе при его печатаніи.

Н. Сагарда.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки